

Среди стеблей водяного перца, которые Фан Чжуншань принес из аптеки Ветра и Облаков, у двух веточек уцелели крошечные короткие корешки.

Рассудив, что разумнее заботиться о будущем, Чжуншань бережно посадил их перед домом, облюбовав клочок жирной, плодородной земли. Особых надежд он не питал, однако стоило прилежно поливать посадки несколько дней, как поникшие, вялые стебли воспрянули духом. Растения благополучно прижились и теперь всю тянулись вверх, радуя глаз сочной зеленью.

Самодельный очаг для жарки мяса Чжуншань обустроил совсем рядом с грядкой: повернись, сделай пару шагов — и охапка пряхных листьев уже в руке.

От аппетитного аромата у Цзян Жана кружилась голова. Но стоило ему заметить, как Фан Чжуншань собирается посыпать мясо измельченным водяным перцем, юноша встрепенулся. Он попытался перехватить руку мужа, отчаянно закружив головой, словно игрушка-погремушка. На его лице крупными буквами читался священный ужас.

Чжуншань прекрасно понимал: бедняжка до сих пор не оправился от потрясения, когда сдуру разжевал свежий лист. Мягко вздохнув, он принялся уговаривать супруга:

— Ну же, сделай всего один укус. Если не понравится, клянусь, больше никогда не заставлю тебя это есть. Идёт?

Цзян Жан с опаской уставился на предложенный ломтик нежной крольчатины. Мясо, едва снятое с угляй, аппетитно шкворчало, источая прозрачный сок, а на золотистой, глянцевой корочке виднелись изумрудные, слегка прихваченные жаром кусочки зелени.

Выглядело это, признаться, на редкость соблазнительно.

Нерешительность маленького шуаньэр тут же испарилась, да и ласковый голос Чжуншаня не оставлял шансов устоять. Жан-эр стрелой метнулся на кухню и вернулся с огромной пиалой, до краев наполненной ледяной родниковой водой.

— Если опять начнет жечь, я сразу всё выпью! — воинственно заявил он.

Оценив собственную предусмотрительность, юноша осмелел. Он аккуратно подцепил пальцами горячий краешек мяса и, забавно дуя на него, отправил лакомый кусочек в рот.

Сладковатый сок крольчатины гармонично слился с горьковатым ароматом древесных углей. Пряные листья, запеченные на огне, сотворили настоящее чудо: они потеряли прежнюю едкую ярость, которая раздирала горло при дегустации сырой травы, и вместо этого раскрылись мягкой, глубокой остротой, выгодно подчеркнув насыщенный вкус дичи.

Жан-эр мгновенно влюбился в это необыкновенное вкусовое сочетание. Из его глаз, не

выдержавших натиска жара и специй, брызнули слезы, однако он лишь забавно шмыгнул носом и тут же потянулся к Чжуншаню, выпрашивая новую порцию.

Линь Фэн, наблюдая за тем, как паренек уплетает угощение за обе щеки, добродушно усмехнулся:

— Неужто и впрямь объедение? Кто не знает, решит, что Чжуншань приютил у себя не ладного супруга, а ненасытного котенка!

Жан-эр, чьи щеки раздулись от набитого туда мяса, невнятно, но очень убедительно пробормотал:

— Офень... офень фкуфно!

Глядя на довольного супруга, Чжуншань почувствовал, как грудь наполняет теплая гордость. Он лишний раз убедился в простой истине: сочное жареное мясо и дразнящая острота специй найдут отклик в любом сердце, в каком бы мире ты ни оказался.

Когда Линь Фэн брал свою порцию, он все еще думал, что восторги юноши — обычное преувеличение. Однако стоило ему проглотить первый кусок, как лицо старого охотника озарилось неподдельным изумлением. Он одобрительно поднял большой палец вверх, шумно выдыхая:

— Невероятно! Чистая правда, объедение! — Охотник утер усы и добавил: — Неужто это и есть тот самый острый перец, о котором ты меня расспрашивал? Дивный вкус! Во рту всё горит и покалывает, а рука сама тянется за добавкой. Оторваться невозможно!

Чжуншань ловким, привычным движением срезал сочные ломтики с последней кроличьей ножки и пояснил с мягкой улыбкой:

— Нет, дядя Линь, это не острый перец. Всего лишь его замена. Обыкновенная лекарственная трава, водяной перец. Лекари обычно прикладывают её к ушибам и ранам, а мне показалось, что её вкус очень близок к настоящей остроте. Вот я и решил пустить её в дело. Если хотите, могу отдать вам один кустик на посадку.

Линь Фэн, проживший бок о бок с тайгой добрую половину века, привык к простой еде. Для него дичь была хороша, когда её наспех свежевали и бросали в глиняный горшок тушиться. До изысканной кулинарии Чжуншаня ему дела не было. Возиться с нежными саженцами у него не нашлось бы ни времени, ни терпения, поэтому он замахал руками:

— Избавь бог! Ещё загублю ненароком. Лучше я к тебе в гости заглядывать буду на огонёк, чтобы полакомиться. — Помолчав немного, старый охотник покачал головой и причмокнул от удовольствия: — С таким-то умением тебе прямая дорога в город Процветающего Ян.

Поставишь там лоток — и покупатели выстроятся в очередь, только успевай монеты собирать!

У Фан Чжуншаня уже зрел в голове смелый замысел, но пока очертания планов оставались туманными, делиться ими с кем бы то ни было он не спешил. На предложение Линь Фэна он ответил парой шуточных фраз, и разговор плавно перетек на другие темы.

Наслаждаясь редким угощением, все трое ели от души. Маленький импровизированный пир завершился лишь тогда, когда угасли последние отсветы заката, а серебряный серп луны запутался в верхушках деревьев.

Сытно поужинав, Линь Фэн счел неловким задерживаться дольше. Он поднялся, отряхнул колени и попрощался с хозяевами:

— Ладно, засиделся я у вас, пора и честь знать. Как надумаешь идти на гору Одинокого Шамана — дай знать. Твой дядя Линь, может, звезд с неба и не хватает, но по горным тропам проведет лучше любого проводника.

Чжуншань с улыбкой поблагодарил охотника и проводил его за ворота. Вернувшись во двор, он увидел, что Жан-эр уже присел на корточки у очага и прибирает посуду. Чжуншань тут же присоединился к нему, и в четыре руки они управились в мгновение ока.

Наносив горячей воды из котла в глубокую бадью для мытья, Чжуншань опустил ладонь, пробуя воду. Убедившись, что она приятно греет, он окликнул сидевшего во дворе паренька:

— Жан-эр, вода готова! Иди мыться, пока не остыла.

Душными летними вечерами они оба, будучи людьми чистоплотными, неизменно грели воду. Ради экономии времени и дров мылись в одной бадье. Видеть друг друга обнаженными для них давно стало привычным делом, и прежде Чжуншань не усматривал в этом ничего предосудительного. Однако сегодня, когда невинный поцелуй маленького шуаньэр перевернул всё в его душе и заставил признать глубокие, доселе скрытые чувства, привычное омовение внезапно показалось ему чем-то волнующим и глубоко интимным.

Жан-эр звонко отозвался из-за двери. Ему не терпелось поскорее избавиться от одежды, насквозь пропитавшейся едким дымом от костра. Переступив порог мыльни, он торопливо скинул вещи и, шлепая босыми розовыми пятками по прохладному полу, подошел вплотную к мужу.

Если сам юноша держался просто и непринужденно, как обычно, то Чжуншань, наконец-то осознавший свои желания, совладать со смущением не мог. Его взгляд невольно замер на изящной белой шее Жан-эра. Мужчина знал: скользнет взор чуть ниже — и предстанут старые, уродливые шрамы, покрывавшие хрупкую спину паренька.

Ничего не подозревающий Жан-эр доверчиво прижался к плечу Чжуншаня, зачерпнул пригоршню теплой воды и с наслаждением ополоснул лицо, шумно и облегченно выдохнув.

Поддавшись внезапному порыву, Чжуншань склонился к нему. Его горячие губы нежно скользнули по затянувшимся следам былых побоев. Вздрыгнув от щекотки, Жан-эр удивленно обернулся, глядя на него широко распахнутыми, влажными глазами.

Юноша забавно склонил голову набок и спросил:

— Старший брат Чжуншань, что случилось?

Чжуншань ответил со всей серьезностью, на какую был способен:

— Да так, плачу той же монетой. Ты ведь сам говорил: если маленький шуаньэр прижмется к губам своего ханьцзы, тот сразу станет счастливее? Вот я и решил проверить: если я поцелую тебя, принесет ли это радость? Мне очень хочется, чтобы ты почаще улыбался.

В его голосе звучала такая неприкрытая нежность, что у Жан-эра вспыхнули даже мочки ушей. Сердце паренька затрепетало, словно его до краев присыпали сладкой сахарной пудрой. То ли от девичьего смущения, то ли от клубящегося в воздухе влажного пара щеки юноши залил густой румянец. И все же он ласково кивнул и убежденно прошептал:

— Да... так и правда гораздо лучше!

С этими словами он робко переплел свои пальцы с пальцами Чжуншаня и пролепетал:

— Поцелуй меня еще... разок.

В груди Фан Чжуншаня словно разорвалась праздничная петарда, осыпав всё вокруг сияющими искрами.

Удар прямо в цель!

От такой обезоруживающей прямоты и детской искренности Чжуншань едва не потерял голову. Раз уж любимый супруг сам просит ласки, какой мужчина устоит?

Омовение затянулось куда дольше обычного. Когда они, измотанные сладкой негой, наконец добрались до постели, за окном давно стояла глухая ночь.

Божественный лекарь Цай Сюань выделил Чжуншаню немало времени на сборы, но барахла у того скопилось немного. К тому же благодаря хлопотам заботливого супруга укладка вещей заняла от силы полдня. Два объемистых плетеных короба, набитых доверху самым необходимым, — вот и все нехитрое имущество, с которым ему предстояло отправиться на учение в город Процветающего Ян.

Покончив со сборами, Чжуншань оказался предоставлен сам себе. Поразмыслив, он решил воспользоваться передышкой и навестить отчий дом. С тех пор как они разъехались, навалилось столько забот, что выкроить свободный день для визита к родне никак не получалось.

По правде говоря, к семейству Фан он питал весьма смешанные чувства. Память прежнего хозяина тела досталась ему в полном объеме, а вот сыновней привязанности он не унаследовал, так что родные пенаты казались ему чужими. Переселенец не ведал, существует ли загробный мир и переселение душ, но с той самой секунды, как он открыл глаза после кончины прежнего Фан Чжуншаня, было ясно: прежний владелец этого тела сгинул безвозвратно.

С другой стороны, Старая госпожа Фан, хоть и славилась на всю округу вздорным нравом да эгоизмом, внука своего буквально боготворила. Раз уж Чжуншаню за просто так досталась чужая здоровая плоть, следовало проявить уважение и взять на себя сыновний долг покойного.

Жан-эр его решение горячо поддержал. Загибая тонкие пальчики, он принялся увлеченно перечислять припасы:

— Из тех фазанов, что принес дядя Линь, у нас еще двое живы, во дворе за плетнем бегают. Давай возьмем их с собой как гостинец? Еще остался целый туесок диких орехов, их тоже можно прихватить. Жаль только, лесные ягоды долго не лежат — те, что подгнили, мне пришлось выбросить.

Видя, как паренек суетится, утирая выступившие на лбу капельки пота, Чжуншань ласково остановил его:

— Хорошо, пусть будет так: возьмем дичь, орехи, да я еще добавлю пару лянов серебра. Поверь, старикам многого не надо. Главное — сообщить, что меня взяли учеником в аптеку. Вот увидишь, эта новость обрадует их сильнее любых подношений!

Их нынешнее скромное жилище и Главный дом семьи Фан стояли на противоположных окраинах деревни, путь предстоял неблизкий. Не желая лишний раз беспокоить доброго дядю Цзяна просьбами о телеге, Чжуншань решил выйти пораньше. Накинув на плечи лямки коробов, они с Жан-эром двинулись в путь пешком.

Еще издали, приближаясь к воротам усадьбы Фан, они заметили примостившегося на деревянном пороге ребенка, который увлеченно ковырялся в дорожной пыли. Чжуншань сразу узнал племянника — шестилетнего сынишку своего старшего брата Чжунси. Поскольку малыш

родился шуанъэром, домашние его не жаловали и даже не удосужились выбрать ему приличное имя. Все звали его попросту Кэлянем — Малюткой. Поговаривали, что ребенок родился сильно недоношенным, крошечным и поначалу даже не мог издать ни звука. Старая госпожа Фан, глядя на этот жалобный, синеватый комочек, лишь пренебрежительно махнула рукой: «Ишь, доходяга какой, обнять и плакать. Пускай Кэлянем зовется». Так обидное прозвище и прицепилось к бедняге намертво.

У Фан Чжуншаня язык не поворачивался величать ребенка оскорбительным кличем, а потому он подыскал более мягкое сокращение и ласково окликнул мальчика:

— Сяо Лянь, гляди, кто пришел!

Худенький, перемазанный сажей малыш вздрогнув обернулся. Увидев добродушную улыбку на лице дяди, он испуганно съежился, а в его чистых, словно стеклышки, глазенках промелькнул застарелый страх. Боязливо опустив голову, мальчик еле слышно пролепетал:

— Дя-дя...

Чжуншань не ожидал от ребенка столь панического страха, хотя, поразмыслив, вынужден был признать, что у малыша имелись на то веские причины.

В представлении здешних обывателей шуанъэр занимали самую низшую ступень: силой они уступали ханьцзы, а способностью вынашивать здоровое потомство не могли сравниться с обычными женщинами. Обуза, да и только — ни пользы от них, ни проку. Неудивительно, что относились к ним с пренебрежением. И хотя в семействе Фан ребенка по крайней мере не морили голодом и не поднимали на него руку, в остальном горькая доля маленького Кэляня мало чем отличалась от сиротского детства Жан-эра.

Прежний Фан Чжуншань, избалованный безграничной любовью бабушки, отличался прескверным характером и презирал шуанъэр всей душой. Он частенько изводил беззащитного племянника жестокими, злыми шутками. Вспомнив об этих пакостях, Чжуншань удрученно вздохнул. Он не решился сделать к ребенку ни шагу, опасаясь до полусмерти перепугать и без того робкое дитя.

Выглянув из-за плеча супруга, Жан-эр с любопытством уставился на малыша. Худенький, молчаливый шуанъэр сразу вызвал у него теплое сочувствие. Жан-эр смело шагнул вперед, присел перед ним на корточки и ласково сжал крошечную, испачканную в земле ладошку. Заметив, что мальчик не делает попыток вырваться, он мягко проговорил:

— Сяо Лянь, я супруг твоего младшего дяди, зовут меня Цзян Жан. Почему ты сидишь тут совсем один? Где твои папа и мама?

Кэлянь, чуткий к чужой доброте, украдкой глянул на Жан-эра и прошептал:

— Отец с матушкой ушли работать в поле, меня дома оставили. А прабабушка прилегла отдохнуть и велела мне убираться во двор, чтобы я не шумел под ухом.

Жан-эр запустил руку в короб, выудил несколько крупных лесных орехов и вложил их в ладошку мальчика.

— Держи, угощайся, — улыбнулся он. — А теперь проводи нас в дом, ладно? Нам нужно сложить вещи.

Мальчик послушно кивнул, распахнул тяжелую калитку и резво припустил к главному крыльцу. Оказавшись у дверей, он обернулся и весело помахал рукой:

— Дедушка дома! Я сейчас его позову!

Братья Фан Юань и Фан Ди сегодня как раз отдыхали от полевых работ. Они лениво беседовали в парадной зале, когда тишину нарушил звонкий голосок внука. Переглянувшись, мужчины поднялись со своих мест и с недовольными минами направились к выходу.

Едва переступив порог, они нос к носу столкнулись с рослым, крепким Фан Чжуншанем. Опешив от неожиданности, Фан Ди первым обрел дар речи. Сбежав по ступеням крыльца, он затараторил:

— Вот так гость! Что ж ты заранее весточку не подал, негодник? Старая госпожа прилегла отдохнуть, она в последнее время только о тебе и сокрушалась!

Сердце Фан Юаня при виде младшего сына радостно затрепетало, однако суровый отец и виду не подал. Напустив на себя строгий вид, он проворчал:

— Надо же, соизволил явиться! Думал, ты совсем про отчий дом забыл, шатаясь невесть где!

Фан Ди, терпеть не мог напускную суровость старшего брата, тут же скривился и выдал его с потрохами:

— Да ладно тебе ворчать, брат! Чжуншань, ты отца не слушай. Он вчера весь вечер из угла в угол ходил да сокрушался, что от тебя ни слуху ни духу, и карманы твои, поди, совсем опустели.

Выведенный на чистую воду Фан Юань смутился и сердито прикрикнул на брата:

— Много ты понимаешь! Этот паршивец за всю жизнь порог дома не переступил без того, чтобы на стороне беды не накликать! Вот и сейчас явился, небось, с протянутой рукой.

Чжуншань стоял и с улыбкой слушал эту перепалку, напоминавшую ярмарочное представление. Дождавшись, пока старшие переведут дух, он покачал головой, не спеша опустил наземь тяжелый короб и достал из-за пазухи небольшой холщовый сверток. Протянув его отцу, он лукаво подмигнул:

— Ну нет, батюшка, на сей раз ты не угадал. Я пришел не просить, а принес тебе сыновнюю долю!

Фан Юань заподозрил было неладное, решив, что оболтус вздумал над ним подшутить. Однако едва он развернул грубую ткань, как на ладони блеснули три новеньких, аккуратных слитка серебра. Рука старика заметно задрожала. Некоторое время он ошеломленно молчал, а затем испуганно уставился на сына:

— Чжуншань... Сын мой, признавайся во всем чистосердечно: украл? Ограбил кого? Откуда у тебя такие деньжищи?!

Стоявший рядом Фан Ди побледнел от страха и замахал руками:

— Отец твой дело говорит! Племянник, пока не поздно, давай вместе в управу пойдем с повинной! Глядишь, судья сжалится за чистосердечное признание!

От таких предположений Чжуншань едва не покатился со смеху. Поспешно замахав руками, он принялся оправдываться:

— Окститесь, дядя, отец! Какая управа? Мне просто улыбнулась удача: один известный лекарь в городе Процветающего Ян разглядел во мне способности и взял в ученики. А эти деньги я заработал честным трудом, собирая целебные травы в горах. Подумал, раз это мой первый настоящий заработок, надо принести его в дом, чтобы выразить почтение родителям.

Старшие Фан все еще качали головами, не в силах поверить услышанному:

— Учеником лекаря? — ворчал Фан Юань. — Врать ты горазд, с каждым разом твои сказки все складнее! Откуда у простого лекаря нужда в таком олухе?

— И то верно, — поддакнул Фан Ди. — Продажа трав? Да ты в школе-то от силы три зимы отсидел, букв толком не знаешь, с чего бы тебе в целебных корнях разбираться?

В конце концов вперед выступил Жан-эр. Он прижал ладонь к груди и принялся увлеченно подтверждать каждое слово супруга, красочно расписывая, как почтенный старец Цай Сюань из аптеки Ветра и Облаков лично признал талант Чжуншаня. Выслушав эти подробности, Фан Юань наконец сменил гнев на милость и с некоторой опаской спрятал серебро в рукав.

Птицы, уставшие томиться в тесном коробе, стоило откинуть крышку, с громким кудахтаньем

вырвались на свободу. Они принялись оголтело метаться по двору, пока маневренный Фан Ди не изловил обеих за шеи и не пристроил в курятник к остальной птице.

Усадив гостей на широкие деревянные скамьи в парадной зале, Фан Юань и Фан Ди принялись расспрашивать их о житье-бытье. Старик Юань то и дело заходил издалека, пытаясь выведать у зятя подробности о поведении сына. И каждый бесхитростный рассказ Жан-эра заставлял отца то и дело изумленно ахать и хлопать себя по коленям.

В самых смелых мечтах Фан Юань не мог вообразить, что его непутевый, ленивый отпрыск, знавший прежде лишь кабаки да праздную жизнь, после женитьбы переменится столь разительно. Мало того что парень остепенился и стал заботиться о семье, так теперь еще и деньги в дом приносит!

Фан Ди, сидевший тут же, то и дело цокал языком от удивления. Наклонившись к брату, он негромко зашептал:

— А ведь не врал тот бродячий звездочет! Верно мы поступили, что взяли мальчонку Жана для обряда чунси. Гляди сам: как вошел малютка Жан в наш дом, так Чжуншань не просто от лютой хвори оправился, а словно заново на свет родился. — Охотник самодовольно усмехнулся и добавил: — Я ведь с самого начала твердил: стоит парню обзавестись собственной семьей, так из него дурь-то мигом выветрится, сразу человеком станет!

Фан Юань, отродясь не веривший во всякие суеверия и знамения, под натиском речей брата и очевидных перемен в сыне невольно засомневался. «А ведь и впрямь... чудеса, да и только», — подумал он.

Но по-настоящему затмила всех своей радостью Старая госпожа Фан.

Проснувшись после полуденного сна, старушка, еще покачиваясь от хмельной дремоты, выползла из своей каморки. Она намеревалась дойти до кадки во внутреннем дворике, чтобы зачерпнуть пригоршню холодной воды и освежить лицо, но стоило ей сделать пару шагов, как зоркий взгляд упал на сидевшего в зале внука.

Деревянный таз со стуком выпал из ее ослабевших рук и покатился по полу. Обычно суровая и скорая на расправу старуха на мгновение лишилась дара речи, не веря собственным глазам.

— Ох ты ж батюшки мои! — всплеснула она руками, громко хлопнув себя по бедрам, и истошным голосом завопила на весь дом: — Мой ненаглядный внучек вернулся!

Спотыкаясь, она бросилась к Чжуншаню:

— Вернулся-таки! Уж бабушка дни считала, все думала — вот-вот покажешься на пороге! Истратился совсем, поди, ни единой монетки в кармане не осталось? Ты не горюй, сокол мой!

Я тут наредни соседям по хозяйству помогала, заработала малую толику. Все до единой медной монеты для тебя сберегла, сейчас принесу!

<http://bllate.org/book/19394/1999219>